

ОБРАЗ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА XVII ВЕКА (на материале "Вестей-курантов" 1600-1660 гг.)

Образ как элемент структуры концептуального представления о фрагменте действительности является исторически изменяющейся величиной. В процессе эволюции мышления изменяются взаимосвязи образа с другим основополагающим элементом концептуальной структуры — понятием. Кроме того, исторически изменяется характер самого образа: от конкретной единичной "вещи" в ранних мифологических представлениях к "вещи как виду" и, далее, как к "форме" существования отвлеченной сущности. То есть "прежнее тождество смыслов оригинала и его передачи ("сущности"-понятия и "явления"-образа — П.С.) сменяется только иллюзией такого тождества" [1: 239], средством выражения которого является метафора.

В соответствии с этим образ войны в текстах XVII века можно представить не как однородную структуру, а как конгломерат ассоциативных представлений, различных во временном и, следовательно, в содержательном отношении. При этом более ранние по времени ассоциации восходят непосредственно к мифологическому образу и не отражают живых представлений средневековья. Применительно к XVII веку они могут быть охарактеризованы, скорее, как архетипы мышления, перемещенные из области сознания в область бессознательного, что, в свою очередь, проявляется в "автоматическом" употреблении слов, объективирующих концепт (и, прежде всего, имени концепта) в определенной грамматической форме или в составе устойчивых выражений.

В частности, к таким "внешним" языковым проявлениям древнейшего мифологического образа следует отнести употребление слова *воина* в форме ж. р. Этимологически слово *воина* является субстантивированным кратким прилагательным женского рода из **vojьnъ*, -а, -о. В связи с этим возникает вопрос, почему прилагательное в форме именно ж.р. оформляется первоначально как наименование качества, свойства *voj*, а затем — как наименование отвлеченного понятия.

Обращение к древнейшим мифологическим представлениям показывает, что в архаической трехуровневой системе мироздания категория **voj* относится к среднему уровню [2]. Помимо категории *voj* этот уровень содержит ряд других категорий, которые в мифологических представлениях оказываются тесно связаны между собой: красное, Солнце, жена, душа, воины, Перун, Сварог (?), сила, власть [2:104]. Объединение на одном мировоззренческом уровне перечисленных категорий — это, с точки зрения современного сознания, совмещение несовместимого. Мы можем лишь констатировать, не давая при этом никаких объяснений, "странное совпадение женского с воинским" в КМ древнейших славян [2: 58]. В этой связи интересно заметить (особенно учитывая изоморфность славянских и индоиранских мифологических представлений), что Варуна — аналог Сварога в древнеиндийской мифологии — является воплощением именно женского начала, что является еще одним свидетельством в пользу того, что оформление слова *воина* в форме ж.р. еще в древнейшую эпоху связано с необъяснимым совпадением военного и женского.

К числу древнейших ассоциаций следует отнести и "образ" войны, сформированный на основе целостного представления "война = войско". Именно с этим представлением связаны наибольшие трудности при определении соотношения образа и понятия в составе концепта "война". С одной стороны, "войско" — это форма или, в нашем определении, "явление" уже отвлеченной сущности, т.е. образ. С другой стороны, этот "образ" возникает не в силу отождествления или уподобления "войны" как признаковой категории "войску" как предмету вещного мира, а в силу объективных причин, поскольку на определенном историческом этапе свойство не может мыслиться само по себе, вне связи с предметом. И с этой точки зрения "войско" представляется как часть зарождающегося понятия "войны".

К такого рода проявлениям можно отнести образ войны в контексте: *после долгих пребывающих крововых воен которые много лет велис и теснили людеи и подданных и королевства и земли которые под послушанием гсдря короля шпанского и Гсдь Статов Недерлянских* [В-К 3: 161]. Представление войны как активно действующей силы давления непосредственно связано с образом войска как множества людей ("чужих"). Основу этого представления составляют древнейшие ассоциации "множество — сила" [3: 119], которые в нашем случае совмещаются с представлением о государстве (или месте, где живут "свои") как о замкнутом пространстве, отграниченном от другого, внешнего пространства: *а казаки ... в Волоскую землю пошли чтоб сперва имь переднюю стѣну коруны Полскои разорити и оттуды б в Полишу идти* [В-К 5: 71]. Государство может стать объектом нападения и захвата, когда туда "входят" или "впадают" враги: *Густаву Торну промышль его не удался толко однако въ Ютланскую землю вошол... и королевство Датское от такого нечаянного недружнего впадения... в великомъ переменение* [В-К 2: 143]. Поскольку государство представляет собой ограниченное пространство, "своим", после того, как в это пространство "впадают" "чужие", становится "тесно". То есть в целом ассоциативный ряд может быть представлен следующим образом: *воина* = связан войско → множество → сила → давление → теснота.

В качестве подтверждения того, что образ войны, которая "теснит", изначально с конкретным представлением о военных людях, войске, могут служить примеры, где то же самое содержание представлено в другой форме: *а все то они готовятца на нас чтобы им в Аглинскую или Ирлянскую земл. Изгономъ притти и угожее мѣсто вят откуда бы им мочно друзеи ниших недерляниов теснит* [В-К 1: 113]. Очевидно, что в

ном случае отражен результат "разделения" целостного представления "война = войско", отделения конкретной "вещи" от абстрактной "сущности".

Между тем, даже в понятии древний целостный образ остается собой, сообщая понятию свои конкретные смыслы. Можно сказать, что образ в понятии приобретает вторую жизнь, превращаясь в "носительное понятие". При этом "пропущенный" через понятие образ сам становится в некоторой степени "понятийным": он теряет свое смысловое содержание (оно воплощается в лексеме *войско*), оставляя вложенной сущности лишь "контуры", задавая тем самым форму ее существования: *да ис того ж города Лиорна пишет Эдвонд Бит х Томасу Бинэриу что ннешнее время худо сосѣдски (земли?) полны воиноу* [В-К 3: 90]. В данном случае война видится как некая материальная субстанция, имеющая объемное пространственное измерение. Здесь мы имеем дело уже не с целостным, характерным для мифологического мировоззрения представлением, хотя, несомненно, именно оно лежит в основе значения здесь образа войны. Представление о войне как о материальной субстанции – это лишь отголосок мифологического образа, который воссоздается посредством метафорического употребления слова. Поэтому этот образ рассматривается как "метафорический" – вторичный по отношению к первичному объемному образу. "Редукция", свойственная вторичному, восстановленному в понятии образу, способствует его дальнейшему переосмыслению, основанному на переносах по смежности. Таким образом концепт может включаться в другие моделирующие "предметные" структуры. Так, на основе представления войны как материальной субстанции возникает образ войны как трехмерного предмета физического мира, который может "лежать": *мы и такъ утеснены в ннешние времена по особн (обрыв 1-2 буквы) от такие великие войны которая лежит на нас и на ншеи отчинной земль* [В-К 2: 203]. Этот предмет можно переместить ("отложить", "отставить") и "в то место" поместить другой предмет: *и ниш арвецкие гдрственныя послы... с великимъ радѣнием с крѣпкими договоры к тому привели что по се число всякую ссору и недружбу и несоединене и воину отставит а в то мѣсто учинит постоянною ирушимой миръ и добрую вѣрную дружбу* [В-К 3: 22]. Как творение человека война может быть создана: *вина в Недерянских удѣлахъ за многие лѣта воздвигнута* [В-К 3: 177] и может разрушиться, прийти в негодность: *и по том бы изрушилис і изошли тѣ воины в ыных дальних отляжащих мѣсть і на морех* [В-К 3: 177]. Интересно заметить, что в последнем случае происходит как бы "наложение" различных по времени формирования образов войны: в то время как возможность употребления сочетания *воины изрушилис* связана с представлением войны как артефакта, объекта материального мира (т.е. является проявлением "метафорического" образа), сочетание *воины изошли* кажется связанным с мифологическим целостным представлением "война = военные люди". Ср.: *его курфистская млсть велит также своим рыпным людем из Шлеизенской земли вон иди* [В-К 1: 52].

Представление войны как материального объекта сделало возможным употребление существительного *вина* с предлогами *к* и *у* в пространственном значении: *а тѣм кораблямъ иным из нихъ иди на море а иным иди к воинѣ к приступу водяным путемъ* [В-К 1: 62]; *собралис к той же воинѣ на помоч туркам ши природные недруги татарова* [В-К 1: 63]; *маршалоку Ленцу вскоре назад сюды бытии немочно от томѣшки тяжкою воины потому что его королевское величество сам у той воины своею парсуною пребывает* [В-К 2: 190]. Стоит заметить, что в современном русском языке подобные конструкции невозможны для существительных – наименований событий (**находиться у соревнований*; **идти к соревнованиям*) и возможны для существительных – наименований объектов физического мира (ср.: *находиться у реки/у города*; *идти к реке/ к городу*).

Поскольку в онтологических представлениях средневековья объект (материальное тело) и занимаемое им пространство нераздельны, "едины по своей сути" [4: 100], закономерно, что в языковой картине мира XVII века война может принимать образ пространства. Так, например, пространственное представление о войне "прочитывается" в следующих контекстах: *Раотыкою князь с свѣянными соединился в воину иди* [В-К 2: 171]; *вговорцою полкъ которои з бояриномъ со князем Ивановъ Ондрѣвичем в Полотцке для посолства в воину не иди* [В-К 5: 133].

Предлог *в* входит в группу предлогов с локативным значением и связан, в первую очередь, с понятием "внутри, в пределах чего-либо". Употребление существительного *вина* в форме вин. п. с этим предлогом свидетельствует о наличии в его семантике указания не просто на место, locus, а на трехмерное пространство, "контейнер", и нахождение там означает нахождение "внутри".

Хотя в средневековых представлениях предмет и занимаемое им место неразрывно связаны, можно утверждать, что образ "войны – предмета" предшествовал образу "войны – пространства". В понимании древнего человека пространство просто не могло быть раньше предмета; оно появляется вместе с предметами и конструируется ими [5: 234].

Если суммировать проанализированные выше образы (или формы), которые принимает концепт "война" в языковой картине мира XVII века, получится цепочка взаимосвязанных ассоциативных представлений:

{ВОЙНА = персонифицированная военная сила = войско} ⇒ активно действующая аморфная субстанция ⇒ неодушевленный предмет материального мира ⇒ многомерное пространство.

Данные современного русского языка позволяют говорить о том, что в ходе дальнейшего развития представлений о войне образ "войны как пространства" переосмысливается: пространственная семантика

практически не ощущается в обычных для современного носителя языка выражениях *участвовать в войне, быть в войне*.

Литература

1. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М., 1998.
2. Попович М.В. Мировоззрение древних славян. – Киев, 1985.
3. Феоктистова П.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). – Л., 1984.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
5. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – С. 227 – 284.

В-К 1 – Вести-куранты 1600 – 1660 гг. – М., 1975.

В-К 2 – Вести-куранты 1642 – 1644 гг. – М., 1976.

В-К 3 – Вести-куранты 1645 – 1646, 1648 гг. – М., 1980.

В-К 4 – Вести-куранты 1648 – 1650 гг. – М., 1983.

В-К 5 – Вести-куранты 1651 – 1652 гг., 1654 – 1656 гг., 1658 – 1660 гг. – М., 1996.